

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЯТАЯ

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

четвертый день праздника дунджи в местности Дзя" и т. п.

„Знаменитому ученому Оуан Сю“ приписывается сентенция: „Кун-цзы в Чуньцзю считает выбор названий для новой эры при воцарении государя обстоятельством весьма значительным“. Это „значительное обстоятельство“ при Кун-цзы (Конфуции), как известно, не имело еще места. Далее, оказывается, что „с 1520 г. по рождество Хр. вместо статуи Конфуция ставят дощечки с его именем“. Однако на родине Конфуция, в Цюйфу, и посейчас можно видеть его статую, а не таблицу. Таких неудачных и неверных показаний очень много, и это вовсе не рекомендует составителя, как синолога. Однако он о себе думает иначе и, наоборот, сильно выговаривает „западным синологам“ за их „дурную привычку, смешивать имя императора с обозначением его эры (няньхао). Подобные „западные синологи“ бывают лишь в течение первого месяца своей „синологии“. Очень скучно перечислять подобные наивности, которые в 1918 г. опоздали на три столетия.

Не говоря уже о противоречиях, встречающихся едва ли не на каждой странице книги, и оплошностях в датах, транскрипция китайских имен столь невероятно небрежна, что книга выглядит как первая печатная корректура с неразборчивой рукописи, с которой корректор ничего не мог поделать. И это не опечатки, а самоуверенное незнание, ибо принять ю за ч ж э, цян за ч а н, хэн за с я н и т. д. никакой наборщик не может.

Таким образом, сложная техника печатания справочного руководства, столь важного нам и нужного, — техника, недоступная Ленинграду, произвела пособие, пользоваться которым нужно всесчески отсоветовать.

В. А.

◆ *Y. P. Tsai, Ancien Ministre de l'Instruction Publique en Chine, Recteur de l'Université de Pékin. — La Renaissance de la Chine. — Revue Bleue, № 3; Paris, 1924. — „Китайское Возрождение“.*

Многим из нас памятно, с какою трудностью, с какими кошмарными недоразумениями проникал в Китай европейский прогресс. Стоит только вспомнить о войне из-за опиума, Тяньцзиньскую резню, боксерское восстание, чтобы видеть ясно картину китайского сопротивления проникновению в их страну европейцев, от которых они, в горделивом самолюбии, старательно отмежевывались.

С наступлением так называемого „Китайского Возрождения“, о котором ста-

раются во всех странах много и подробно говорить американизованные китайцы, захватившие в свои руки центральную власть, мы видим как раз обратное: китайцы, особенно в лице своей разговорчивой так называемой „новой“ молодежи и ее приспешников, усиленно присосеживаются к европейскому прогрессу и равняются по Европе. „В настоящий момент, — говорит рассматриваемая статья, — китайская интеллигенция, коммерсанты, промышленники, одним словом, все — стараются внести в Китай западные идеи и пересмотреть, углубить с помощью современных методов китайские старые учения и искусства, согласуя их с нуждами нашего времени“.

Китаеведы Европы, исходя из чувства пропорций и зависимостей, выработанных в них долгими усилиями, с которыми связано понимание Китая, отнеслись к этому натиску более или менее сдержанно, предпочитая выжидать результатов „литературной революции“, стоящей в центре всего движения; но раз в общедоступном журнале появляется статья о нем, принадлежащая авторитетнейшему деятелю китайского просвещения, на ней можно и должно сосредоточить пристальное внимание, изучая в конденсированном и ясном виде то, что доходит, особенно до русских ученых, только в односторонних обрывках. Ввиду важности этой, небольшой размерами, статьи, рецензия на нее превзойдет обычные рамки и рассматривает ее положения со всею возможною тщательностью.

Автор статьи, ректор Пекинского университета, Цай Юаньпэй родился в 1868 году. Он принадлежит по своему образованию к высшему типу китайских ученых, ибо уже 24 лет от роду он получил звание ханьлин (академика истории и литературы). Как революционный лидер, он должен был бежать из Китая и воспользовался временем 1904—1911 г.г., чтобы учиться в Гейдельберге и Париже. С установлением республики в 1912 г. Цай сделался первым республиканским министром народного просвещения, но в следующем году он от своего поста отказывается и снова едет в Париж учиться. В 1916 г. его снова призывают в Китай и вручают ему пост ректора Пекинского университета, на котором он проявил необычайную деятельность, придав этому первому по значению просветительному центру характер европейской школы, и выдержал для этого борьбу со значительною оппозицией, о которой китайский биографический справочник (*Who's Who in China, 1920*) говорит глухо.

Таким образом, с нами в этой статье говорит первоклассно образованный китаец, сочетавший в себе редкую в Китае конфуцианскую эрудицию с долгим учебным стажем в Европе, — фигура значительная и любопытная.

Прежде всего, интересна цель статьи, сформулированная самим ее автором. Он совершенно справедливо хочет вмешаться в распространение о Китае лжи книгами европейцев, проезжающих через огромную страну на протяжении всего нескольких месяцев и не имеющих, конечно, возможности видеть что-либо в подлинном свете, сияющем из их книг как истина. „Все это, — говорит Цай, — является виновником искажения правды вещей, при котором на нашу страну все еще смотрят как на страну таинственную и непонятную. На самом же деле, тем, кто хорошо знает и Европу, и Китай, пункты различия между ними кажутся простою видимостью — и только, а основы обеих цивилизаций почти одинаковыми“. Под этими совершенно справедливыми словами, как и под дальнейшей выпискою их, не делаемой здесь лишь для экономии места, подпишется всякий знающий китаевед, и вообще очень хорошо, что эти слова наконец сказаны.

Не менее справедлив профессор Цай и тогда, когда он говорит о причинах кажущейся или действительной враждебности китайцев к европейцам. Его аргументы, однако, известны всем и вносят единственный новый, злободневный штрих при сопоставлении недавнего занятия Италией Корфу с занятием китайской территории Германией, Японией и т. д., на которое европейская политика реагировала совершенно иначе. „Иностранцы, — говорит он, — часто забывали, что они — наши гости, и их поведение по отношению к нам было непохвальным, чтобы не сказать более, — что, впрочем, не отрицается и рассудительными европейцами“.

И это верно, но уже лишь отчасти. „В гости“ европейцев никто не приглашал, и они вели себя в Китае как завоеватели, хотя и частичные. С этим очень неловким положением вещей считались обе стороны. Китайцы не могли его уничтожить, а европейцы не хотели. Стоит ли комментировать факты сентиментально и, во всяком случае, неверно?

Гораздо справедливее то, что Цай говорит о христианских миссионерах в Китае, но и это известно, хотя и не мешает еще раз повторить на страницах легко забываемого журнала.

Кроме того, история прекрасно знает, как вели себя на завоеванных территориях китайцы и как они ведут себя по

отношению к русским жителям Маньчжурии, очутившимся с 1920 года под их юрисдикцией. Впрочем, читатели „Revue Bleue“ об этом могут и не знать!..

И он тем более прав, что простое сопоставление христианского миссионерства с буддийским указывает на грубость поведения первых, которым, казалось бы, следовало у вторых учиться.

Однако все эти и многие другие горькие свидетельства и сетования отнюдь не уничтожают действительно существующей среди китайцев ксенофобии. Она инстинктивна: европеец в Китае бестактен и неприятен, курьезен и важен в одно и то же время, — врезывается в жизнь Китая клином; и это подтвердят все, кто когда-либо жил в Китае, но не в отеле Wagons-Lits, а среди народа. Но те же люди подтвердят и редкостную, исключительную терпимость и вежливость китайцев, превосходящую все ожидания.

Опуская все политические выпады, которые делает в своей статье проф. Цай и которые могли быть подписаны каким-либо досужим репортером, обратимся теперь к его характеристикам китайской культуры, providенциально шествовавшей, согласно его утверждению, по общечеловеческому, близкому напоминающему европейский, пути.

Эти характеристики иногда очень справедливы, хотя звучат слишком по-французски и могут вызвать анахронические ассоциации. Так, вряд ли без оговорок можно утверждать, что в XII веке до начала нашей эры „образование было устроено, начиная с начальных школ и кончая высшей“; кое что, и самое главное, здесь упущено. Иногда же они направляются на возражения. Так, говоря об общих чертах, будто бы существующих между „метафизикой“ Лао-цзы и Чжуан-цзы с „индийским учением“, Цай думает, что последнее взяло верх, благодаря своей „глубине“. Нигилистическое умоозрение даосов сопоставлять с живою религией, какою был буддизм в период его проникновения в Китай, значит отнестись к делу более чем поверхностно и вещей по их существу не понимать. Можно также удивляться, откуда автор взял, что „начиная с XVIII века, многочисленные ученые Китая отдаются изучению происхождения языков, истории и археологии. Уже не о Цянь Лун'овских ли комиссиях по составлению разноязычных словарей идет речь? Но ведь западная синология давно установила несостоятельность их: об этом, повидимому проф. Цай не знает, да и то речи о „происхождении языков“ там не бывало.

Особенно шатки положения статьи, когда она определенно сопоставляет до-

стижения китайской культуры с европейскою, тем более, что самый факт этого сопоставления развития одной страны с развитием комплекса стран, находящихся в постоянном обмене культурных веществ, не бесспорен с точки зрения хотя бы методической и легко может волею делающего сравнения в незаконномерные обобщения. Так, сравнивать Конфуция с Сократом, хотя бы по диалогическому методу преподавания; Лао-цзы и Чжуан-цзы с Платоном, хотя бы по их утилизации метафизики для правил ежедневной жизни; сравнивать фрагменты Мо-цзы с Аристотелем и, вообще, древний Китай с древнею Грецией, тем более „на равной ноге“, — все это можно делать только при условии несообщения доказательств, которые не убедят ни китаиста, знающего правду вещей без сравнения их с другими, ни эллиниста, который, наверное, ни одного из сопоставлений не признает.

Как и следовало ожидать от подобных методов сравнения, проф. Цай быстро переходит меру вещей и увлекается доказательствыми, вернее свидетельскими исповеданиями китайского приоритета в дате и чистоте общечеловеческой культуры, что сильно напоминает националистическое хвастовство. Можно ли, в самом деле, серьезно говорить о древнем обычае избирать государей, исходя из предания о Яо и Шуне? Неужели геология была уже открыта китайцами в XII в. до начала нашей эры? Почему период проникновения в Китай буддизма „представляет, быть может, больше интереса, чем неоплатонический период в Европе“? Неужели демократия в Китае прослеживается на текстах Шуцзина, приписывающих древним государям внимание к нуждам и голосу народа, или на тексте Мын-цзы, учившего тому же удельных князей? Кто другой еще рискнет выставить Конфуция обоснователем „интернационализма“ — Конфуция, который, кроме китайской (говоря общо), других наций не знал, а если и знал, то говорил о них с величайшим пренебрежением? Можно ли, говоря в наиболее сильной части всей статьи о китайском исконном миролюбии, упускать из виду завоевательную политику китайцев при Хань, Тан и вообще всегда, когда Китай сам не был под чужой пятой или окружен стеною сильных врагов? Кому в голову придет призвать опять того же „учителя царей навеки“ Конфуция, к роли основателя и теоретика коммунизма? Не странно ли читать, в виде аргумента о существовании в древнем Китае коммунизма, следующие строки: „по преданию, богатые были нравственно обязаны

заботиться о всех своих родных и друзьях, находя им какой-либо источник существования“ и т. д.? Верно ли, что в благополучном по коммунизму Китае „большинство богачей живут так же просто, как и бедняки, так что между теми и другими враждебных чувств не существует“? Так ли, что антагонизм между трудом и капиталом в Китае пока еще не ощущается? Относится ли учение о так называемом чжун-юне („juste milieu“) к причинам, вызвавшим к жизни свободу совести и культа в Китае? Неужели культ предков „сильно напоминает религию Конта“? — И целый ряд еще подобных вопросов может легко поставить под сильное сомнение все те утверждения статьи, которые она считает наиболее убедительными. Здесь сказалась привычка старого начетчика преувеличивать последствия, выводимые им из канонической старины, как из эссенции всей мудрости. Ни последовательности логической, ни фактической связи во всем вышеприведенном перечне сопоставлений Цай уловить, прямо-таки, невозможно.

А между тем, кому бы, как не ученому с двойкою ориентацией столь редкого типа, как проф. Цай, указать на действительные заслуги Китая перед человечеством, выразившиеся хотя бы в том, что все, что он культурно претворял, всегда оригинально и обогащает мысль чрезвычайною полнотою человеческого элемента. Неужели же, действительно, Конфуций только на то и пригоден, чтобы аргументировать там, где ему будет по современному надобностям указано, а не является монументом и в то же время живым кладом большой человеческой идеи? А китайское искусство, а китайская наука о самом Китае и других странах? — Если говорить о статьях, составляющих национальную гордость, их нужно построить более реально и достойно.

Китайская культурная проблема у Цая выражена в следующих словах: „по моему личному мнению, мы можем надеяться, что еще лет 40 труда, и весь прогресс Европы за время от XVI до XIX в. будет в Китае осуществлен. Тогда китайская цивилизация пойдет на ряду и наравне с европейскою и окажет миру услуги, которых от нее все в праве ожидать“. Как все прогнозы, эти строки полны веры и чувства больше, чем прочего. Но как будто они призывают к уничтожению в китайской культуре китайского элемента. Хорош выигрыш для мировой цивилизации приобрести себе нечто одноформенное.

К мелким недостаткам статьи надо отнести ее псевдоаргументацию, в виде

сносок на книги целиком, без уточнений, по которым данное свидетельство можно проверить (напр., Chang - Chou III); пропуски, заполнение которых явилось бы для статьи выигрышным (напр., история Ван Аньши в речи о социализме); анархическая транскрипция собственных имен, препятствующая человеку средней начитанности отождествить которое-либо из них с должным (Maetseu, вм. Mo-tzeu; Tchiangseu, вм. Tchonang - tzeu) и т. д.

Таким образом, апологет „Китайского Возрождения“, явившийся из самой авторитетной среды, не мог устоять на твердых ногах и качнулся в сторону традиционного китайского националистического самолюбования. Статья написана на модные темы и приспособлена к читателю „Revue Bleue“, но сомнительно, чтобы этот последний извел из нее убеждение в том, что в Китае сейчас происходит действительно „Возрождение“, а не перерождение в чужие формы по рецептам современной европейской культурной лаборатории.

B. A.

◆ *Henri Maspero. Etudes sur le taoïsme. Le saint et la vie mystique chez Lao-tzeu et Tchouang-tseu.* — Bulletin de l'Association Française des Amis de l'Orient, № 3, juin 1922, стр. 69—89. — Святой и жизнь в мистике у Лао-цзы и Чжуан-цзы.

В этой небольшой, но прекрасной, содержательной и отчетливо научной статье известный синолог, профессор Коллэж де Франс, Масперо сообщает свои мысли по поводу волнующего всех китаистов вопроса о сути и происхождении даосской мистики. Он не считает цивилизацию и культуру Дальнего Востока древнее вообще и в частности Лао-цзы, который, по мнению автора, „только имя“, вряд ли восходит к VI веку, как хочет предание, и, вероятно все, относится не ранее, чем к началу или половине IV века. Однако, он ставит во главу угла китайской мистики не Лао-цзы, а знаменитую книгу Перемен, от которой, по чрезвычайно удачной характеристике ученого автора, даосы „взяли лишь большие линии“.

Самым оригинальным явлением даосской мистики проф. М. считает не теорию их, а именно практику и удачно доказывает это рядом превосходно переведенных цитат. Он сближает их с христианскими и мусульманскими мистиками, и было бы приятно эти сближения выписать, если бы не сознание громоздкости предприятия.

Необыкновенно хорошо владея терминологией, проф. М. кладет своею небольшой статьей большой камень в основание будущих поисков. А его отчетливый

приговор над смутными разговорами о тождестве и заимствовании, будто бы существующих в соотношениях даосизма с буддизмом, должен стать поучительным для очень многих. Он думает, что все эти разговоры поверхностны, а пункты сходства, замечаемые в обоих учениях, объясняются „общим фондом реального психологического опыта, на котором покоится вся мистика“. Таковы идеи иллюзорности бытия, жизни и смерти, которые совпадают с индийскими лишь поверхностно и вида заимствования, при более глубоком рассмотрении их, отнюдь не имеют.

Тем не менее, заключает статью профессор М., именно даосские мыслители подготовили китайскую интеллигенцию к восприятию новой религии, „со многих точек зрения превосходившей все то, что Китай дотоле произвел сам“.

Можно со многим не соглашаться из того, что говорит проф. М., особенно в отношении даты Лао-цзы, ставшей Конфуция в изолированное положение самостоятельного мыслителя, что очень шатко, — но надо признать, что статья, написанная без прорывов, вполне последовательно и очень объективно, является результатом большой начитанности и большого исследовательского опыта.

Очень жаль, что автор не счел пока нужным облечь свои исследования в более специальный и распространенный язык, который, конечно, не помешал бы существованию и этой его популярной статье, которой можно пожелать, чтобы она не затерялась, а для этого — чтобы журнал Общества Друзей Востока распространялся наиболее энергично.

B. A.

◆ *Ли Яньпу.* „Когда я был мальчиком в Китае“. Jan Phou Lee. When I was a boy in China. Illustrated from photographs. London. 1922, стр. 127.

Эта книжка составляет часть серии, в которую вошли воспоминания детства японца Сакаэ Иноуэ, еврея (When I was a boy in Palestine, by Mousa I. Kaleel) и серба (?) — E. Chivers Davies. После эффектных и псевдоэффектных рассказов миссионеров и миссионерок о китайских детях, можно, наконец, с большим удовольствием остановиться на этой маленькой книжке. Трудности, стоявшие перед ее автором, который говорит с аудиторией, не обязанной с ним считаться и оценивающей веши по-своему (а все-таки ты, мол, китаец — и только!), были велики. Все „странное“ можно было представить или в виде парадоксальной апологии, или же в виде брезгливого отшатывания от старого Китая, как, действительно, и поступают китайцы в своих писаниях на